

© 2008 г. Ж.В. ГАНИЕВ

ОБ АДЕКВАТНОМ ОПИСАНИИ РУССКОГО НОРМАТИВНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ (В СООТВЕТСТВИИ С УЧЕНИЕМ АКАД. Л.В. ЩЕРБЫ)

Существующие описания русского нормативного произношения не достигли той полноты, к которой стремился акад. Л.В. Щерба, но не успел ее осуществить: звучание цельных текстов при закономерном чередовании в них полного и разговорного произносительных стилей. В результате 30-летней работы Л.В. Щерба пришел к мысли о включении в понятие стилей произношения и степени четкости (ясности), и качества звуковых сегментов (см. его замечания в [Щерба 1983]).

Автор публикуемой статьи развивает эти щербовские положения, а также его концепцию относительно совершенствования вербального (тембрального) слуха и обучения нормативному произношению в полном объеме. В рамках универсальной методики автор не может считать себя сторонником ленинградско-петербургской традиции в части различения типа произнесения и стиля произношения, поскольку там трактуется возможность/невозможность «фонемной интерпретации» сегментов.

Собственно щербовская концепция русского нормативного произношения имеет неоценимое культурноречевое значение, поскольку учит публичному произношению, необходимости осознавать в связи с этим тривиальное, бытовое звучание в речи – в превентивных целях. Разумеется, рассматривается произношение при порождении цельного текста со стратегией и тактикой развертывания последнего, поэтому ограничиваться пословным (посегментным) различением стилей произношения (см., напр., работы московской школы) не представляется возможным.

На протяжении многих лет Л.В. Щерба стремился к вссохватному достоверному описанию нормативного русского произношения, но огромная занятость в других областях языкознания и прочие обстоятельства (например, эвакуация в 1941–43 гг.) не позволили закончить задуманное (см. [Колесов 1987; Зиндер, Маслов 1982])¹. Его ученики не продвинулись существенно в этом научном направлении, где центральное место принадлежит щербовскому понятию о стилях произношения. Эта категория была названа маргинальной, занимающей «в фонетике периферийное место, несмотря на то что этого вопроса касаются в той или иной степени многие авторы» [Бондарко, Вербицкая и др. 1974: 64]. Ленинградские лингвисты были правы в том, что Щерба как бы заблокировал проблему, назвав ключевое понятие в произношении стилями. В начале прошлого века и в наше время лингвистическое понимание стилей (или функциональных стилей) производно от таких факторов, как типовое содержание, цели общения, способы речевого выражения, социально значимые сферы общения и деятельности, соотносимые с определенными формами сознания [СС 2003: 581–583]. К стиливым средствам относятся единицы уровней означаемого, т.е. единицы лексики и фразеологии, морфологии, словообразования, синтаксиса. Тем более что лексема *стиль* на протяжении более двухсот лет распалась на омонимы, а один из них включает не менее восьми значений. Имеем в виду эту путаницу относительно фонетического термина, которую Щерба унаследовал в 1907–1908 гг. от своих старших коллег в Ев-

¹ См. также статьи Д.Л. Щербы, В.В. Виноградова, Л.Р. Зиндера, М.И. Матусевич, Е.С. Истриной, Л.И. Жиркова в разделе I сборника статей «Памяти акад. Л.В. Щербы» (1951).

ропе П. Пасси и Г. Суита, последователи Л.В. Щербы в упомянутой статье охарактеризовали ситуацию так: «Повод для этого был дан самим Щербой. Во-первых, употребив термин “стиль”, он сам спровоцировал слишком широкое и даже неверное истолкование рассматриваемого им явления. Во-вторых, в некоторых высказываниях он прямо включал свои стили в стили речи вообще» [Бондарко, Вербицкая и др. 1974: 64]. Р.И. Аванесов в 1950 г., А.Н. Гвоздев в 1955 г., М.В. Панов в 1963 г. связывали понятие стилей произношения с «параллельными» явлениями в лексике и грамматике, которые в соответствии со стилистической окраской нуждаются в определенном фонетическом оформлении [Аванесов 1950: 10; Гвоздев 1963: 75; Панов 1963: 5].

На самом деле ни предшественники Л.В. Щербы (П. Пасси, Г. Суит, Д. Джоунз), ни сам он не имели в виду изоморфизм и прямую связанность стилей произношения со стилистической окраской лексико-грамматических явлений; эта фонетическая категория предусматривала культуру произношения в различных ситуациях, многообразие произносительных вариантов в пределах нормативной речи. В этом случае при обучении рекомендовалась поначалу одна из разновидностей с дальнейшим расширением спектра этих стилей произношения. Можно только пожалеть, что в условиях конца XIX – начала XX в. было использовано не терминологичное по своим семантическим связям слово *стиль*, по существу не термин. Такое несоответствие было отмечено и ранее 1974 года (см. указ. выше статью ленинградцев); Р.И. Якобсон, его ученик М. Шапиро и др. предлагали называть разновидности нормативного произношения (аналоги щербовских стилей) разными кодами в произнесении [Якобсон, Халле 1962: 234–235; Shapiro 1968: VII]. Целесообразно, во избежание путаницы в лингвистических понятиях, разновидности нормативного произношения называть кодами, имея в виду под ними щербовские стили. Сказанное здесь никак не связано с концепцией проф. Л.Р. Зиндера и его учеников относительно типа произнесения, где в традициях ленинградско-петербургской фонологической школы рассматривается возможность/невозможность «фонемной интерпретации».

Варианты в нормативном произношении развитого литературного языка существуют объективно [Горбачевич 1978: 123–136]. В результате массового переселения русских людей из деревень и поселков в большие города (наибольшее стремление было в Москву и Ленинград) в 20–40-е гг. XX в. и «демократизации» литературного языка в речи новой («красной») интеллигенции (общественных деятелей, писателей, преподавателей, ученых) наши орфоэписты² сознательно дистанцировались от проблемы произносительной вариантности. А Щерба – нет, он не опасался наступления диалектов и просторечия на литературное произношение и уверенно работал над первой академической грамматикой русского языка XX в. (являясь автором и редактором первого тома, который включал фонетику и морфологию; работа была ему поручена в 1938 г. Институтом языка и мышления АН СССР). Вот один из аспектов тогдашней его работы: «Лев Владимирович участвует... в составлении вопросника по нормам произношения и по грамматическим нормам» для распространения «в широких кругах интеллигенции» [Щерба Д.Л. 1951: 18]. Выделенные и противопоставленные два стиля произношения в 1937 г. (год публикации его «Фонетики французского языка») Л.В. Щерба назвал окончательно полным и разговорным стилями. Дихотомия решала две крупнейшие проблемы: адекватное описание вариативного (согласно норме) произношения³ и повышение культуры профессионального (в том числе публичного) произношения [Ганиев 1990: 108–112]. В одном это прекрасное дело Щербы не соот-

² Р.Б. Тарковский назвал их «московскими орфоэпами», пейоративным словом из-за его какофоничности [Тарковский 2006].

³ Могу засвидетельствовать, что, обучая иностранцев безвариантному нормативному произношению, преподаватели РКИ спустя пару лет пребывания бывших «приготовишек» в русскоязычной среде слышали от них при встрече понятное и неизбежное замечание: «Вы учили нас не той фонетике».

ветствовало названным проблемам. Если целью его полного стиля была возможность опознания фонемы (в петербургско-ленинградском понимании), то, например, в безударном вокализме в ряде случаев этот полный стиль практически невозможно ни воплотить, ни услышать; словом, это была не красивая идея (речь идет о части «идеального фонетического состава слов»). Ср.: в 1911 г. он транскрибирует в этом стиле [vr'ém'e, zakútanava], здесь же [tadá]; в другой того же времени транскрипции «неубыстренного» произношения [kadá, n'ikadá], неразличение безударных [ъ-ы]:[shtъ/ыбъ/ы, тъ/ы val'álsъ/ы]; в транскрипции 1937 г. [pám'atn'ik, n'epakónaj] (род.п. ж.р.) [Ščerba 1911]; щербовская транскрипция в [Passy 1922: 132; Щерба 1953: 21].

В общей картине произношения имеются две пары контrovers, и выбрать определенный порядок изложения четырех континуумов означает принять концептуальное решение. Первая пара – коды (щербовские стили) произношения: «В русском языке разница между этими двумя стилями произношения исключительно велика...» [Щерба 1953: 22]. Если иметь в виду культуру произношения, например, в публичной, сценической, учебной и т.д. речи, следовало бы начинать описание общей картины произношения со сведений о неполном коде произношения – т.е. с того, что надо исключить из речи профессиональной (или же употреблять это в ней в особых стилистических целях: пародия, речь персонажей известного типа и т.д.). Такой порядок изложения, например, при обучении сценической речи или чтению классических стихов, способствует тому (как выразился Щерба и его ученик проф. Л.П. Якубинский), что «звуки речи... всплывают в светлое поле сознания и внимание сосредоточено на них» [Якубинский 1916: 44; перепечатки: Поэтика 1919: 38, Якубинский 1986: 164], т.е. совершенствуется речевой (или вербальный, тембральный) слух. Это превентивный (или предупредительный) способ. Затем следует описание полного кода произношения. Этот путь опробован на практике еще в XIX в., «классики фонетической методики в своем увлечении открытым ими (в буквальном смысле этого слова) разговорным стилем хотели начинать с него (см. книжечку *Sweet. Gesprochenes English*)» [Щерба 1953: 22]. Одна из глав пособия Г. Суита так и называлась: «Начинайте с разговорной речи».

Будучи непревзойденным специалистом в методике преподавания языка, Щерба считал этот порядок неверным: на самом деле глобальное описание произношения надо начинать с полного «стиля», а от него переходить к неполному (разговорному). Он так прокомментировал предпочтения Г. Суита: «...Это, конечно, неверно: нет и не может быть общих правил, как переходить от разговорного стиля к полному...; правила же обратные – вполне реальны (ср., например, ...*Богородицкий*, Курс русской грамматики, 1935, отдел о неударяемом вокализме и т.д.)» [Щерба 1953: 22]; см. также [Ганиев 2007: 101–107]. Об этом же говорит и порядок расположения двух кодов («стилей») в предложенном Щербой проекте орфоэпического словаря русского языка, например, *здра(в)ствуйте – здрасте* [Щерба 1957: 143].

Второй из вопросов (пары контrovers) касается взаиморасположения вокализма и консонантизма, т.е. какая из систем в произношении должна быть описана раньше – гласные или согласные. Что касается фонологии, то прав был проф. С.Б. Бернштейн, указавший на ведущую роль консонантизма по отношению к вокализму в русском языке, тогда как в латинском, английском и др. европейских языках ведущие роли играет вокализм. Поэтому, по мнению Бернштейна, описание фонологической системы русского языка следует начинать с консонантизма, а система гласных рядом с ним играет подчиненную роль [Бернштейн 1961].

Что же касается произношения, то обращает на себя внимание в первую очередь, представляя собой трудность для освоения и (учебного) усвоения, слабая в информативном отношении часть звучания русской речи – гласные звуки. Здесь различительная способность безударных гласных низка, в том числе в результате частых нейтрализаций (неразличения в слабых позициях), роль гласных сводится к созданию некоего базового фона для развертывания семантически нагруженных консонантных различий. Другими словами, вокалические оттенки в произношении труднее осозна-

ются и осваиваются, чем согласные звуки (вспомним, насколько труднее учащимся «разобраться» в гласных звуках, чем в согласных, при изучении и освоении русской транскрипции).

Из двух названных противопоставлений при описании звучания (коды и системы гласных и согласных звуков) нуждается в более пристальном анализе основная щербовская категория – его «стили» (коды) произношения. Не все в произношении вариативно, есть много случаев безвариантного («невариабельного») или же равноправного произношения, что в кодах, естественно, не учитывается (словоформы *сто́лы*, *до́м*, *жи́ть*, *крах* и др.; долгий или нормально краткий согласный звук в случаях *рассто́яние*, *полти́нник*, *расстро́ить* и др. с удвоенными буквами; равноправны ударения в *во́лнам* и *волна́м*, *и́скристый* и *искри́стый* и т.д.).

1. Инвентарь полного кода приведен в разделе «Фонетика» академической «Грамматики русского языка» [Грамматика 1952], написанном в основном Щербой, в его небольшой книге [Щерба 1983], а также в пособиях Р.И. Аванесова, книгах московских и петербургских ученых. Главное в речевом освоении полного кода – навык, основанный на знании и умении; при этом произношение как таковое не отделяется от степени его отчетливости, внятности.

Владение текстом (или умение выстроить текст) отнюдь не означает еще, что освоена на необходимом уровне и его произносительная сторона. Оценки приемлемости – неприемлемости звуковой стороны публичной речи основаны у слушателей на общественно-эстетическом опыте, авторитете образцов; неумение подняться в произнесении до необходимого уровня расценивается как недостаток общей культуры личности. Выступающий, да и сама обстановка публичной речи (заседание, лекция, урок и т.д.) стремятся к реализации целевой установки (убеждение, внушение, побуждение и т.д.), но если лексико-грамматическая сторона речи способна захватить слушателя, а звуковое оформление далеко не отвечает ожиданиям, это оборачивается потерями в речевом воздействии.

Человек, не учившийся профессиональному произношению, выдает себя очень скоро, а ведь выступающий силой обстоятельств предстает в роли лидера, авторитет которого, в ряду других факторов, мог бы укрепиться также за счет правильности и мастерства его речи. Вот что писал почти сто лет назад один из русских педагогов: «...Наша публика... весьма чутка к тому, что называется отчетливым и правильным произношением, и бывает иногда, что оратора, страдающего в этом отношении, провожат такими замечаниями: “Прежде научился бы говорить, а потом выступал бы”» [Италинский 1913: 53].

У человека без опыта публичных выступлений имеются своеобразные представления о том, как следует читать или говорить, идущие вразрез с ожиданиями аудитории. Техника его речи напоминает обыденное говорение при непосредственном общении – не потому, что неопытный оратор пренебрегает интересами слушателей. Предмет своей публичной речи, ход рассуждений в ней человеку, обуреваемому эмоциями «ораторской лихорадки», представляются тривиальными, а произносить выразительнее, четче, медленнее ему кажется проявлением нескромности.

В редких речевых ситуациях, исключая непрофессиональные (неполные) варианты произношения, в публичную, несбыденную речь произвольно проникают разговорные особенности (элементы противоположного кода), ставшие прочным стереотипом автоматизированной, фонетически не контролируемой речи. Непрофессиональное произношение наблюдается и при чтении вслух с развитием его беглости, когда большая предсказуемость порождает ощущение и выражение тривиальности. Небрежные сокращения в публичном произношении носителей нормативного языка встречаются гораздо чаще, чем полагают: звучит *пийсят* или *писят*, часто с глухим предударным гласным, вместо [п'ьд':и'с'а́т]; [выхо́ит'ь] (иногда с губно-губным [w] в начале) вместо [выхо́д'ит'ь]; [wòс'м'с'тАрòм] вместо [в: ос'ьм'д'ьс'ьт фтАрòм] и т.д.

Существует понятие о неодинаковых степенях тщательности, ясности артикуляции при произнесении звуков – дикция. Имеется определенная связь между стилями (кода-

ми) произношения и качеством дикции: в неполных вариантах произношения чаще наблюдается неотчетливая, небрежная дикция, а в профессиональном произношении полных вариантов – отчетливое, ясное произнесение, хорошая дикция (см. об этом [Культура русской речи 2003: 712–713]).

Чрезвычайную важность и целесообразность различения стилей (кодов) произношения, степеней отчетливости в артикуляции для методики обучения орфоэпии родной речи подчеркивал Л.В. Щерба. Это не дается само собой, требует специального внимания, целенаправленной тренировки для приобретения необходимых навыков.

Между функциональными стилями (объединяющими средства лексики, грамматики, словообразования) и вариантами нормированного произношения имеется большая разница в их природе, возможностях освоения и употребления в речи. Если носителю литературного языка для понимания природы функциональных стилей достаточно определенной информации об этом, чтобы осознать их употребление («дисциплина типа истории»), то проблема вариантов (кодов) в произношении для него изначально намного сложнее. Из-за опосредованной, не прямой связи сознания с произносительными навыками фонетический уровень, единицы которого носят односторонний характер (означающее), в присмах освоения нового – этот уровень, в разграничении вариантов – противопоставлен остальным уровням языка (т.е. это «дисциплина типа спорта»). Специалисту нередко приходится встречаться с недоверием обучаемых, когда он демонстрирует им вариативность их собственного произношения – настолько это им кажется неочевидным [Sweet 1911: VIII–IX; РЯСО 1968: 109; Щерба 1974: 36]. Ср. замечание Щербы: «...Все эти колебания нормально нами не осознаются, оставаясь ниже порога сознания... Насколько же однако трудно обратить на них внимание впервые, явствует из того, что “открытие” того или другого оттенка обыкновенно вменяется в особую заслугу» [Щерба 1983: 3, 4]. Обучение строгим вариантам, освоение профессионального произношения (полного кода) – процесс нелегкий. Пока новый навык не стал вполне автоматизированным, достаточно самоконтролю исчезнуть или хотя бы ослабеть, чтобы создались условия для возвращения привычного разговорного стереотипа (неполного кода).

2. «Правила перехода» к неполному коду описаны В.А. Богородицким, в новое время Л.Р. Зиндером, Г.А. Бариновой, Н.Н. Розановой, Л.Л. Касаткиным и др. [Богородицкий 1939: 125–129; Зиндер 1948; 1964; Баринова 1973: 40–128; Кодзасов 1973: 109–133; Сиротина 1974; Розанова 1996: 23–53; Касаткин 2006: 181–206].

Непринужденный разговор родственников или друзей характеризуется короткими фразами и синтагмами, большим диапазоном в изменении высоты тона и в интенсивности (степени интонационного подчеркивания). В непринужденной речи субъективная модальность как бы превалирует над несложной предметной информацией с бытовым ее осмыслением. Содержание, модальность, просодика разговорной речи таковы, что наряду с полными звуковыми вариантами, например, в реме высказывания, велика в ней доля ослабленных произносительных вариантов, как правило, в интонационных промежутках между выделенными словоформами, например [фк:омгАдү] с [к] слоговым, [вжыз(н)дАрбжнм] с [з, н] слоговыми⁴.

Параллельно с этим утверждение, что профессиональная речь должна произноситься сплошь полным кодом, было бы упрощением; конечно, в ней закономерно встречаются предсказуемые или тривиальные словоформы, которые обычно находятся в интонационной «тени» (т.е. не выделены) и поэтому звучат в коде неполном (например, [къ'шнъ] (*конечно*), [сбпснъ] с внутрисловным [с] слоговым (*собственно*), [ш'ас] и т.д.). Другими словами, текст не «разнимается» на последовательность полных и неполных произносительных кодов, а при порождении своем закономерно чередует доли тех и других. Значит, адекватная фонетика – это не только строчки фоностилистического словаря (о котором мечтал Щерба), а изучение фонетического

⁴ Подробнее о такой совместимости см. [Ганиев 1990: 130–131].

текста как закономерностей в употреблении кодов (где они возможны). Звучание «пульсирует», коды в нем перемежаются, имея в целом преимущество в полном или неполном вариантах – в зависимости от текстообразующих факторов (обстановка речи, тема, коммуникативная направленность, субъективная модальность, адресат и т.д.)⁵. При поверхностном слушании может показаться, что текст исполнен в духе одного кода, но те, кто занимается сплошной транскрипцией цельного текста (пусть и в диалогической речи), знают, что он никогда не бывает выдержан в единственном коде. Ср.: «Таким образом, речевая цепь обычно неоднородна. Она образуется сегментами полного типа... и сегментами неполного типа» [Бондарко, Вербицкая и др. 1974: 66].

Обыденная речь в высокой степени насыщена типизированными конструкциями и клише (как говорил Щерба, сознательность ее стремится к нулю). Будучи связанной с предметной ситуацией, она становится понятной с полуслова, имеет вид «необходимых намеков», рассчитанных на «понимание догадкой» (Е.Д. Поливанов). При известной общности «апперцепирующих масс у собеседников» (Л.П. Якубинский) восприятие речи становится активным процессом встречного прогнозирования принимаемого сообщения. Человек адекватно «слышит» реально пропущенные или измененные звуки, недостающая фонетическая информация (сегменты) компенсируется, кроме чрезвычайно существенных лингвистических факторов (общий жизненный опыт, знание ситуации, собеседника и т.п.), более высокими языковыми уровнями (опознавание словоформы в типизированной конструкции с ее привычным ходом мысли и интонированием). Восприятие в непринужденной ситуации опирается на часть фонемной информации, «спеша» перейти к смыслу путем выдвижения гипотез и их дальнейшей корректировки [Касевич 1974: 74–76]. Иными словами, собеседники в разговоре понимают друг друга не потому, что просто слышат, а наоборот, слышат потому, что понимают.

Характерная особенность обыденной речи – эллипсис (пропуск) элементов; существуют сокращенные варианты форм, фраз, текстов, обеспечивающие коммуникацию в обстановке разговорной речи. В произношении эллипсис одних сегментов сопровождается ослаблением, изменением в произношении (большей редукцией) других элементов.

Вариативные (вариабельные по произношению) клишированные тексты, фразы, синтагмы, словоформы подвержены в речи действию потенциальных факторов, касающихся фонемного состава и размещения позиций; указанные факторы представляют собой необходимые условия для изменения относительной длительности частей, степени их отчетливости или даже нулизации в фонетическом слове, синтагме. Эти позиции в слове и звучание словоформ в разговорной речи подробно описаны в лингвистической литературе (см., напр. [Барина 1973; Ганиев 1990: 136–144] и др.). Особый интерес представляют исследования ученика акад. Л.В. Щербы проф. Л.Р. Зиндера, проведенные им и его сотрудниками в Лаборатории экспериментальной фонетики им. акад. Л.В. Щербы в ЛГУ в 60–70 гг. Оознаваемость текстов, фраз, словоформ часто при колоссальном эллипсисе основана на понятии избыточности языка (согласно общей теории информации). Л.Р. Зиндер исследовал действие эллипсиса на звуковые (фонемные) сегменты и установил, что «наиболее устойчивыми являются глухие щелевые и аффрикаты. (К аффрикатам примыкает палатализованное [tʰ], которое произносится как мягкое [cʰ].) Они обладают наибольшей среди согласных средней длительностью, что является фактором, благоприятствующим и их артикуляции, и их восприятию. ...Следующими по степени устойчивости из согласных можно считать глухие согласные (кроме [tʰ]).

Далее по степени устойчивости идут все звонкие согласные, включая сонанты. ...Обобщая приведенные данные о степени устойчивости разных согласных, можно

⁵ Конечно, при общей «кодовой» оценке (идентификации) произносимого текста играют роль и парафонетические явления. Их меньше в строгом варианте произношения и больше в непринужденной речи, см. [Ганиев 2002: 75–81].

сказать, что чем тот или иной согласный ближе по своей акустической природе к гласным, тем он менее устойчив. Что касается гласных, то безударные гласные несомненно являются в русской речи самыми неустойчивыми звуками... Наибольшей устойчивостью среди ударных гласных отличаются [u] и [i]» [Зиндер 1964: 26, 27].

Описанные особенности, как сказано выше, относятся к потенциальным факторам, касающимся реализации фонем в определенных позициях. Другие факторы ослабления сегментов в произношении, называемые реализующими, проявляются только на протяжении единиц коммуникации, где употреблена данная словоформа, и текста в целом. Воздействие этих двух типов факторов на звучание словоформы или синтагмы в тексте можно сравнить с действием силы на тело, когда физические изменения в нем определяются его структурой (потенциальные факторы) и поэтому предсказуемы.

Различные типы устной речи знают разные реализующие факторы; в спонтанной или подготовленной официальной речи, в интервью, в пересказе, при меняющихся социальных характеристиках коммуникантов, тех или других их взаимоотношениях, различной субъективной модальности (напр., отношение к предмету речи) и т.д. можно ожидать различные варианты реализующих факторов. Чтение вслух в принципе отличается от спонтанной и диалогической речи умением предугадывать дальнейшее развитие текста и автоматизированное исполнение его «блоков». Здесь при ослаблении на передний план выступает сознание тривиальности (рутинности) этих «блоков» – лексической, грамматической, фонетической. Следовательно, разница в процессах порождения типов речи обуславливает своеобразие реализующих факторов в характере фонетического ослабления. Виртуальные же факторы ослабления – фонетические условия внутри словоформы, синтагмы – в разных типах звучащей речи приблизительно одинаковы.

Исполняется 100 лет первым публикациям Щербы, направленным на адекватное описание произношения в его нормативных вариантах. Обратился он к вариативности, чтобы «отворить» вербальный слух соотечественникам, тем самым повысить культуру русского нормативного произношения, и, во-вторых, для улучшения методики обучения языку. Если бы воплотилась мечта Л.В. Щербы об издании русского орфоэпического словаря с двумя колонками – с полным и неполным произношением, а также о создании адекватного глобального описания русского нормативного произношения, завершился бы полный цикл его идеи, поднятой им в начале XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов 1950 – *Р.И. Аванесов*. Русское литературное произношение. М., 1950.
Баринова 1973 – *Г.А. Баринова*. Фонетика // *Русская разговорная речь* / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1973.
Бернштейн 1961 – *С.Б. Бернштейн*. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
Богородицкий 1939 – *В.А. Богородицкий*. Очерки по языкознанию и русскому языку. М., 1939.
Бондарко, Вербицкая и др. 1974 – *Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, М.В. Гордина, Л.Р. Зиндер, В.Б. Касевич*. Стили произношения и типы произнесения // *ВЯ*. 1974. № 2.
Ганиев 1990 – *Ж.В. Ганиев*. Русский язык: Фонетика и орфоэпия. М., 1990.
Ганиев 2002 – *Ж.В. Ганиев*. Что значат неязыковые явления в фонетике? (Полный перечень русских литературных парафонетизмов) // *Фонетика в системе языка: Сб. статей*. Вып. 3. Ч. 1. М., 2002.
Ганиев 2007 – *Ж.В. Ганиев, В.А. Богородицкий* о вариантах произношения в субстандарте. (К 150-летию со дня рождения ученого и педагога) // *ФН*. 2007. № 1.
Гвоздев 1963 – *А.Н. Гвоздев*. Современный русский литературный язык. 3-е изд. Ч. 1. М., 1963.
Горбачевич 1978 – *К.С. Горбачевич*. Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка). Л., 1978.
Грамматика 1952 – *Грамматика русского языка*. Т. 1. М., 1952.
Зиндер 1948 – *Л.Р. Зиндер*. Существуют ли звуки речи? // *ИАН ОЛЯ*. 1948. Вып. 4.

- Зиндер 1964 – Л.Р. Зиндер. Влияние темпа речи на образование отдельных звуков // Учен. зап. ЛГУ. № 325. Серия филологических наук. Вып. 69. Вопросы фонетики. Л., 1964.
- Зиндер, Маслов 1982 – Л.Р. Зиндер, Ю.С. Маслов. Л.В. Щерба – лингвист-теоретик и педагог. Л., 1982.
- Италинский 1913 – А.Д. Италинский. Происхождение, свойства и особенности правильной русской речи. С методическими указаниями для учителя начальной школы. М., 1913.
- Касаткин 2006 – Л.Л. Касаткин. Современный русский язык: Фонетика. М., 2006.
- Касевич 1974 – В.Б. Касевич. О восприятии речи // ВЯ. 1974. № 4.
- Кодзасов 1973 – С.В. Кодзасов. Фонетический эллипсис в русской разговорной речи // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М., 1973.
- Колесов 1987 – В.В. Колесов. Л.В. Щерба: Кн. для учащихся. М., 1987.
- Культура русской речи 2003 – Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003.
- Памяти акад. Л.В. Щербы 1951 – Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880–1944). Л., 1951.
- Панов 1963 – М.В. Панов. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка / Под ред. С.И. Ожегова и М.В. Панова. М., 1963.
- Поэтика 1919 – Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1919.
- Розанова 1996 – И.Н. Розанова. Фонетика разговорной речи. Взаимодействие сегментных и суперсегментных единиц // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. М., 1996.
- РЯСО 1968 – Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры / Под ред. М.В. Панова. М., 1968.
- Сиротинина 1974 – О.Б. Сиротинина. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
- СС 2003 – Стилистический энциклопедический словарь русского языка // Под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003.
- Тарковский 2006 – Р.Б. Тарковский. Русская поэзия и московские орфоэпы. СПб., 2006.
- Щерба Д.Л. 1951 – Д.Л. Щерба. Лев Владимирович Щерба (1880–1944) // Памяти академика Льва Владимировича Щербы: Сб. статей. Л., 1951.
- Щерба 1953 – Л.В. Щерба. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским. 4-е изд., испр и расшир. М., 1953.
- Щерба 1957 – Л.В. Щерба. К вопросу о русской орфоэпии // Л.В. Щерба. Избр. работы по русскому языку. М., 1957.
- Щерба 1974 – Л.В. Щерба. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Щерба 1983 – Л.В. Щерба. Теория русского письма. Л., 1983.
- Якобсон, Халле 1962 – Р. Якобсон, М. Халле. Фонология и ее отношение к фонетике // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. II.
- Якубинский 1916 – Л.П. Якубинский. О звуках стихотворного языка // Сборники по теории поэтического языка. Петроград, 1916. Вып. I.
- Якубинский 1986 – Л.П. Якубинский. Избранные работы: Язык и его функционирование / Отв. ред. А.А. Лесотьев. М., 1986.
- Passy 1992 – P. Passy. Petite phonétique comparée des principales langues Européennes. 3-me ed. Leipzig: Berlin, 1922.
- Shapiro 1968 – M. Shapiro. Russian phonetic variants and phonostylistics. Berkeley, 1968.
- Sweet 1911 – H. Sweet. A primer of spoken English. Oxford, 1911.
- Ščerba 1911 – L. Ščerba. Court exposé de la prononciation russe. Paris, 1911.